

3

Лег ли в основу фабулы Повести о Тимофее Владимирском конкретный, имевший место в жизни, случай, или автор, преследуя свои особые цели, создал фабулу повести, учитывая возможность подобных происшествий в знакомой ему исторической обстановке, — это, конечно, останется неизвестным. Но важно то, что фабула повести оказалась достаточно емкой для того, чтобы автор мог поставить ряд интересовавших его вопросов. Он, прежде всего, декларативно заявляет о своем намерении показать, как даже исключительный грешник путем покаяния может „в первое (первоначальное) благочестие“ возвратиться. Попутно с художественным показом этого на судьбе своего героя автор повести ясно обнаруживает интерес и свое отношение к вопросу о „восточной“ политике Русского государства последней четверти XV в., имевшему особое значение в это время.

Нам сейчас очень трудно определить, какой из поднятых автором повести вопросов стоял на первом плане в его собственном сознании. Но то, как развивается фабула повести, как настойчиво автор подчеркивает, что преступление Тимофея не исчерпывается святотатством, а является преступлением и против государства — государственной изменой, свидетельствует о том, что самые интересные идеи повести далеко выходили за круг морально-религиозных представлений ее автора. Поступок князя приобретал в глазах автора повести значение политического акта. Чудесное явление Тимофея после смерти во сне отроку с извещением, что он, Тимофей, „приях прощение грехов своих и царствию небесному причастник быв“, божественным авторитетом подкрепляет правильность решения князя и отражает положительную оценку этого решения автором повести. Пред нами ясно обрисовывается лицо автора повести, как человека, сумевшего ориентироваться в сложной политической обстановке своего времени, правильно понявшего политику Ивана III в отношении Казанского ханства и оправдывавшего ее.

Можно не сомневаться в том, что для современников автора повести о Тимофее Владимирском этот, кажущийся нам теперь скрытым, смысл повести был вполне доступен. Художественная манера автора повести не является чем-то исключительным для своего времени. Наоборот, эта манера была обычной для определенного, довольно широкого, круга произведений литературы XV в., которым, нам кажется, позволительно было бы присвоить наименование легендарно-политических сказаний. История литературы, как мы уже указывали, вплоть до наших дней все еще оперирует тем запасом этих произведений, который в свое время определил И. Н. Жданов. А между тем, круг легендарно-политических сказаний несравненно шире, чем это представлялось И. Н. Жданову,¹ и в связи с их изучением возникает ряд интереснейших

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.